

рано, но папа был против моего желания стать театроведом. Он считал это не очень солидным занятием. После школы я отправился в Москву, где окончил юридический факультет МГУ, потом аспирантуру, стал кандидатом юридических наук и некоторое время работал по специальности. Должен признаться, что свою профессию я активно не любил, хотя она дала мне четкость мысли, умение ясно ее формулировать.

Между тем в Москве я познакомился с другом отца, известным чтецом Антоном Исааковичем Шварцем, кстати, двоюродным братом писателя и драматурга Евгения Шварца. Жил он собственноручно в Ленинграде, а почти все выступления проходили в Москве, и здесь он останавливался у известного актера Александра Леонидовича Вишневого. Я часто приходил в эту квартиру только уже после смерти Вишневого, когда хозяйкой стала его дочь Наталья Александровна. Там бывали самые разные люди: Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, чтец Дмитрий Николаевич Журавлев, кинорежиссер Сергей Юткевич... Разговоры, интересы этих людей самым тесным образом были связаны с театром, у них было свое божество — Мария Ивановна Бабанова. Таковой она стала и остается и для меня.

Ну а с начала 60-х годов тесно дружу с театром «Современник». Большую роль

— Еще бы! Первая передача — посвящена она была Марии Ивановне Бабановой — вышла в эфир 11 апреля 1990 года. Привела меня на телевидение Галина Борисова, она же стала редактором моих передач. Обязательно назовите и других членов нашей «команды» — телеоператора Марка Волынца и режиссера Елену Гудиеву. С ними я работаю уже четыре с половиной года, дело это совсем непростое. Нам очень много помогали Михаил Шилов, руководитель литературно-драматического объединения, но далеко не все от него зависело...

— В чем сложности — вызывали протест какие-то герои ваших сюжетов?

— Нет, выбор-то у меня был относительно свободный. Скажем, некоторое время назад в «Московских новостях» появилась статья о гастрольях МХАТа в Париже в сталинские времена. Смысл ее сводился к тому, что МХАТ-де — это придворный театр, что к искусству он имел весьма косвенное отношение: «За компанию» с другими поливали грязью и Аллу Константиновну Тарасову. По ряду причин прямо опровергать эту статью было сложно да и не очень хотелось, но я обратился к сыну Тарасовой А.А. Кузьмину и получил от него огромный фактический материал (письма, фотографии и т.д.), на основе которого сделал передачу о Тарасовой, что и стало косвенным ответом на этот несправедливый выпад.

такая точка зрения, может быть, вы ее прокомментируете?

— А зачем? Если кому-то не нравятся мои передачи — на здоровье. Сам-то я знаю, что нахожу для своих сюжетов такую информацию, к которой практически никто не прикасался. Скажем, в передаче о Симоне Синьоре и Иве Монтане использована только что вышедшая во Франции книга воспоминаний Монтана, которую даже мало-мальски известной у нас не назовешь. Ну зачем мне оправдываться — я предпочитаю работать.

Бывает и другое. Вот в передаче о Нуриеве я сказал, что для Запада — не по мнению Вульфа, заметьте, а в представлении тамошних балетоведов — в русском балете существуют три бога: Анна Павлова, Вацлав Нижинский и Рудольф Нуриев. Ну тут и началось... «А как же Уланова?» «А Плисецкая?» «А Барышников?» «А Васильев?» Да кто же принижает их достоинства? Я говорил ТОЛЬКО о стереотипе, сложившемся на Западе.

— Как вы считаете, насколько мы вправе вторгаться в личную жизнь известных людей: политиков, писателей, актеров? Ведь все равно такое «вторжение» сплошь и рядом происходит. Может быть, правильнее говорить о том, что «вторгаться» допустимо только тактично, неоскорбительно для тех, о ком идет речь?

— Разумеется. Кроме того, я всегда стараюсь проводить в этом отношении грань между теми, кто жив и здравствует, и людьми уже ушедшими. О каких-то вещах категорически недопустимо говорить при жизни человека. Да и после смерти не обо всем можно говорить.

— Не хотите ли сказать что-нибудь о вашей деятельности вне рамок ТВ?

— Ну об основном мы уже поговорили. Я по-прежнему публикуюсь в периодической печати. У меня в свое время вышли две книги: о знаменитой Ангелине Иосифовне Степановой (1985 г.) и о театральной жизни США в 70-е годы (1982 г.). Скоро должна выйти еще одна книга «Идолы, звезды, люди». Герои там у меня самые разные: Грета Гарбо, Юл Бриннер, Франсуаза Саган, певица Мадонна, из наших — Бабанова, Лядина, Сухаревская, Кторов, Серова, Неелова, Волчек... Последняя глава посвящена Элвису Пресли и Валерию Леонтьеву.

— В заключение банальный вопрос: что вы думаете о кризисе нашей культуры и о перспективах выхода из него?

А знаете, я не вижу никакого особенного кризиса. Конечно, все сейчас очень трудно, но народ-то не потерял тягу к культуре, к театру, в частности. Люди ходят, несмотря ни на что, и в мой любимый «Современник», и в ставший очень интересным Театр имени Гоголя, хотя он так неудобно расположен, в другие театры... В хорошие! А если не ходят в плохие — не будем уж их называть то кризис культуры тут ни при чем.

Гостя принимал Сергей БУРИН. Фото Михаила ВОЛКОВА и из архива В.Я. Вульфа.

Виталий ВУЛЬФ:

«Если люди не ходят в плохие театры, кризис культуры тут ни при чем»

Виталий Яковлевич Вульф хорошо известен по многочисленным телесюжетам, посвященным знаменитым мастерам отечественного и зарубежного театра и кино. А вот о нем самом, творце этих передач, мы мало что знаем...

— Виталий Яковлевич, поклонники ваших телесюжетов восхищаются культурой вашей речи, редкой в наши дни манерой вести повествование. Естественно, в таких случаях возникает вопрос о семье человека, его родителех, среде — о том, что

принято называть корнями. Может быть, с этого и начнем беседу?

— Не возражаю. Родился я в Баку, мой отец, Яков Сергеевич Вульф, был известным адвокатом, очень талантливым, разносторонне образованным человеком. Отец и мама, Елена Львовна, дали мне очень много, меня с детства учили музыке, английскому языку, естественно, следили за кругом чтения. Опекали меня настолько, что одного стали выпускать на улицу, когда я уже был в 10-м классе.

— А когда театром увлеклись?

Вообще-то довольно

сыграл в моей жизни Олег Ефремов: к удивлению многих, он ввел меня в члены худсовета театра, по его же рекомендации я стал переводить пьесы. На моем счету примерно 15 переводов, а первым из них была «Сладкоголосая птица юности» Теннесси Уильямса, которая пошла во МХАТе со Степановой в главной роли в 75-м году.

С конца 60-х у меня довольно активно идут театроведческие публикации. А служа с 67-го года и по сей день в Институте международного и рабочего движения, который теперь называется Институтом сравнительной политологии. Создавался этот институт как центр по изучению современной общественной мысли Запада, а название служило своего рода ширмой. Моими коллегами были такие известные люди, как Мераб Мамардашвили, Юрий Карякин, Юрий Замошкин, Юрий Давыдов, Юрий Левада, возглавляет институт Тимур Тимофеев. Там я защитил докторскую диссертацию по теме «Отражение общественно-политических противоречий и социальных движений в культуре США в 70-е годы».

— А когда вы впервые появились на телеэкране? Дату помните?

С актрисой Аллой Демидовой